Герой Алебастровых Глубин

Что отличает героя от человека?

[Оставь его, оставь его, оставь его.]

В прошлом он был уверен, что знает. Каждый раз, когда они брались за вёсла, каждый из его команды, и бились с переменчивыми волнами. Солёный воздух и шум океана, грубые морские песни и смех, наполняющий паруса. В те дни он мог поклясться, что его эпос находится прямо за горизонтом.

Но всё, что он нашёл по ту сторону горизонта, – это чёрные паруса и воюющие водовороты. То, что потом выбросило на берег, не было героем. Это едва ли вообще было человеком.

Джейсон забыл, что означает быть Героем много лет назад, – алебастровое море забрало это у него. Демоны впились когтями в его душу, пожирив то, что нашли и опустошив его сердце. Человек, которого океан выплюнул обратно на берега Средиземноморья, с трудом мог вспомнить каково это – держать в руках весло, не говоря уже о том, что, как ему казалось, он видел за тем далёким горизонтом.

Жизнь в Бушующем Небе не помогла, да он и не думал, что она поможет, он вообще мало думал о том, что означает стать членом Бушующего Неба, за исключением того, что оно было поблизости и ему было по силам присоединиться. В то время он был готов пойти куда угодно до тех пор, пока ему не нужно было пересекать солёную воду, чтобы добраться туда. Но даже у шелухи есть глаза. А в полном сердце было вдвое больше места для возмущения, когда дело касалось прихотей соперничающих Тиранов.

Бессильного возмущения, то есть. Это было самое большее, что мог испытывать человек по отношению к старейшинам Бушующего Неба. Будь то смертный или Герой – это не имело значения. Все они подчинились, и Джейсон не стал исключением. Он пал. Пал на колени, впал в немилость. Пал, пал, пал на дно морское.

А потом пришли Ворóны.

Что-то изменилось той ночью. Ничего осязаемого, ничего, что он мог бы описать. Но с тех пор как Ворóны едва не вернули его на Икарус в ночь похорон кириоса, с тех пор как он был спасён, в уголках его зрения появилось желание сражаться. Оно исчезало, когда он поворачивался, чтобы посмотреть, но оно всегда присутствовало.

Капитан Икаруса всё ещё тонул, но теперь его ноги начали болтаться.

И иногда, в такие моменты, он почти мог представить, что всё, что отняли у него море и его демоны, что всё, что бы ни лежало за тем далёким горизонтом –

— Это справедливость, — сказал мне мой отец, когда разрезанный труп павшего бога накрыл мои глаза своей непостижимой ладонью. — Запомни его лицо.

- что Грифон и Сол пришли сюда, чтобы напомнить ему об этом.

Громовой удар вырвал его и Скифаса рядом с ним из неземного видения. Они оба в неверие смотрели как Овод, пошатываясь, отступает в комнату. Джейсон поспешно шагнул вправо, а Скифас - влево, освобождая ему место. Человек, бросивший вызов Тиранам Побережья и выживший дабы плюнуть им в лицо их же яд, держался за шею, пытаясь восстановить дыхание.

Грифон ударил Учёного в горло.

— Сократ! — поприветствовал он, остановив темп своего бешеного рывка в сердце горы, тридцатью горящими руками. — Или мне стоит сказать, мастер. Я пришёл поблагодарить тебя за наставления!

Герой из Розовой Зари выпрямился, положив одну руку на рукоять своего клинка в ножнах. Овод сделал один резкий вдох, выражение его лица стало убийственным, и алый сын оскалил зубы в дикой ухмылке.

— Безрассудные, высокомерные...

Джейсон отступил ещё на шаг, и - нет. Нет. Он не убежит. Он не будет больше тонуть. Он сплюнул на землю у ног Овода и взял контроль над кровью, горячей в его сердце. Напротив него Скифас свистнул низкую ноту, и его пневма завибрировала.

— ... Дети, — закончил Овод, его тон был суров. — Кто сказал тебе, что ты можешь делиться этой памятью? Кто сказал тебе, что ты можешь находиться в этом месте?

— Хо, похоже, что философ сбился со своего пути, — усмехнулся Грифон, шагая вперёд навстречу опасности. Как и раньше, как и всегда. К тому далёкому горизонту. — Думая, что мне нужно, чтобы кто-то мне что-то говорил. Позвольте этому скромному софисту просветить вас об истинном положении вещей. Внима...

Грифон резко остановился, едва сделав шаг в комнату. Его пневма замерцала и исчезла из комнаты, а цепкие руки его намерения исчезли в одно мгновение. Не произнося ни слова, он полностью проигнорировал Овода.

Герой восходящего солнца и Алый Оракул уставились друг на друга. Перекинутая через плечо Солуса, Оракул находилась на уровне его глаз. Вот так, лицом к лицу, на расстоянии едва ли фута друг от друга, они почти что...

Джейсон прищурился. Свист Скифаса прервался.

Сол склонил голову.

[Оставь его, оставь его, оставь его.]

— Поцелованный Солнцем, — проговорила Алый Оракул. Грифон уставился на святую женщину, которую Сол перекинул через плечо, словно связку спутанных верёвок. — Ты, должно быть, Грифон.

Кусок мрамора размером с кулак, отколотый от бюста душой Джейсона - в ту долю секунды,

когда он позволил гневу и стыду утащить себя обратно на Икарус, - врезался в грудь Грифона и отбросил его обратно во двор. Овод смахнул мраморную пыль с ладоней, и каждый хлопок отдавался эхом.

— Ищи, где их быть не должно, и там ты их и найдёшь, — раздражённо сказал он. — Кому из них ты рассказал первым, мальчишка?

Солус нахмурился, отвлечённый.

— Мальчишка.

— Грифон, — сказал он, но был ли это ответ на вопрос Овода или его личное осознание, Джейсон сказать не мог. Разумеется, что-то в этом роде...

— И сколько времени ему понадобилось, чтобы разнести новость по округе? — потребовал Овод. Сначала он повернулся к Скифасу, который хранил гримасу молчания.

Затем Овод повернулся к Джейсону, и он был вынужден призвать единственную силу, которой он ещё мог доверять.

Эвтерпа, позвал он в отчаянии, когда на него обрушился груз лет мудреца. Он потянулся к этой радостной мелодии, к звукам флейты Музы и к прикосновению её цветочной короны на его челе.

Он нашёл ничего. Его полое сердце пропустило удар.

— Это лицо человека, которому есть что сказать? — спросил Овод, шагнув к нему и оттеснив его на шаг назад своей бочкообразной грудью. Старик, называли они его, как будто гоплит никогда не вернётся. Соль и переменчивые ветра, как будто он вообще уходил. — Как ты сюда попал? Кто велел тебе прийти?

Без музыки, которая вдохновляла бы его, без команды, которую он мог бы назвать своей, что отличало человека от героя? Что вообще делало его кем-то? Джейсон пошатнулся, и его внимание привлекло другое. Солус притягивал его взгляд так же уверенно, как и парус. Он не говорил, но буря в его глазах говорила за него.

[Оставь его, оставь его, оставь его.]

— Никто, — ответил он, с вызовом выпрямив позвоночник.

— Никто. Так почему ты здесь?

— Потому что я дал обещание человеку, которого ты забрал, и я нарушил его, когда позволил тебе забрать его, — сказал он и оскалил свой алебастровый клык. — Я здесь, чтобы уравновесить эту чашу весов.

Джейсон разжёл пламя того, что осталось, и приготовился к смерти.

— Хватит. — На плечо Джейсона опустилась сильная рука: капитан с запада встал между

Джейсоном и Оводом.

Джейсон откинулся назад, чтобы голова Алого Оракула не столкнулась с его собственной, пока Солус размахивал ею.

— Ты сам виноват, ведя меня через гору как пленника, — сказал Солус, встретив взгляд Овода без особого страха. — Конечно, нас видели. Чего ты ожидал?

— Я ожидал, что молодое поколение будет обладать хотя бы одним функционирующим мозгом, — язвительно сказал Овод. Он постучал костяшками пальцев по лбу Солуса. — И я надеялся, что они поделятся им между собой. Теперь я вижу, что мой оптимизм перевесил здравый смысл.

— Урок усвоен, — просто сказал капитан. Овод усмехнулся.

Без предупреждения, внушительный орёл-посланник, сидящий на руке Солуса, широко расправил крылья, повернув голову к открытому дверному проёму. Он щёлкнул клювом один, два раза, и дикая пневма добродетельного зверя взметнулась в воздух, когда он забил крыльями. Сол нахмурился и после секундного раздумья безмолвно вышел из комнаты.

Оставив Джейсона и Скифаса с Оводом.

Джейсон обменялся взглядом со своим Героическим товарищем, и оба культиватора бросились за капитаном. Овод отпустил их, бормоча себе под нос, осматривая разгромленную комнату. Снаружи они нашли Солуса и Алого Оракула, а также Грифона и остальных святых женщин, от которых так тщательно прятался Скифас...

Он упёрся пятками в мозаику из обожжённой глины, ведущую из покоев оракула, и Скифас так же резко остановился рядом с ним, когда вся тяжесть обитателей двора разом обрушилась на них.

— Это... — задыхался он, разжигая пламя сердца за неимением другой защиты. Подавляющее присутствие, присутствия, мучительное величие трёх суверенных душ, давящих на него. Они не были такими раньше.

Грифон лежал в обломках священного треножника на другом конце двора, растянувшись в, как будто, расслабленной позе. Обломки того, что когда-то было священным инструментом, подпирали его, а остатки опорного столба позади, служили колыбелью для его головы. Он поднял одну руку к лицу, закрывая большую его часть, кроме сузившегося алого глаза. Другая его рука по-прежнему лежала на рукояти меча. Даже сейчас он воздержался от его извлечения.

Три Оракула стояли на коленях на бесценных одеждах, окружая его. Они были источником удушающего величия, давление, которого раньше не было. Первая, Оракул Разбитого Прилива, древняя и такая непринуждённо жестокая, ухмылялась, смахивая кровь с его лба. Вторая, Оракул родного дома Джейсона, переменчивая и столь злобно манипулятивная, тихо шептала, нежно проводя пальцами по его золотистым волосам. И третья, суровая и безжалостно честная Оракул Пылающей Эгиды щёлкнула языком, прижимая складчатый шёлк своей вуали к кровоточащей ране, которую оставил обломок.

Была причина, почему Оракулы составляли компанию Тиранам и Героям, королям и их забытым сыновьям — помимо политических манёвров и логистических соображений, проблема

поиска провидицы заключалась в их присутствии. Аура женщины, чьё тело функционировало как божественный сосуд, могла напрямую убить смертного.

Конечно, они могли контролировать её, подобно тому, как Тиран может говорить со своим самым низшим Гражданином так, чтобы тяжесть его голоса при этом не сломала им спину. Но просить Оракула ослабить её величие, пока она занималась своими святыми делами? Это было невозможно. Её величие и было её работой. В этом и был весь смысл, в конце концов. И это ощущение было столь же глубоким, сколь и ужасающим.

Но это не было таким, когда Джейсон и Скифас проскользнули во двор несколько минут назад. Оракулы беззаботно болтали, пока Солус занимался гимнастикой, а Алая Оракул считала его повторения. Это было самое обычное зрелище, напоминающее дни и ночи, которые он провёл в портовых городах и на их рынках в перерывах между плаваниями. Они просто шутили и сплетничали, занимаясь своими делами.

Теперь же, Джейсон должен был отвести глаза, когда Оракул Плавающей Эгиды повернулась к нему, а его уши были заполнены звуками шипящих змей, пока по его телу скользило жуткое ощущение её величия.

Ужас, инстинктивный и подавляющий, велел ему не смотреть. Дремлющий инстинкт взывал со дна моря, и пузырьки доносили его голос до поверхности его разума.

Не смотри в Эгиду. Ты умрёшь!

Колени Джейсона подогнулись, когда святая женщина его города, Оракул Алебастровых островов, обратила на него свой взор. Жар её величия грозил расплавить его кожу, как воск, и тошнотворная невесомость словно он падает, падает, пока золотые нити обвивались вокруг его шеи...

Лежи смирно, лежи смирно. Ты умрёшь!

Сердце Джейсона остановилось, когда Оракул Разбитого Прилива вонзила в него трезубцы в её глазах, и его снова утянуло на морское дно.

В уюте дома Элиссы Кайно рассказал Джейсону и остальным, кто был втянут в планы Солуса и Грифона, о том, каково это – искать мудрости Разбитого Прилива. Каждый из них задумывался об этом в тот или иной момент после их восхождения в Героическое Царство. Но ни один из них, в конце концов, так и не решился на это. И к тому времени, когда они стали существами, достойными внимания Оракула, у них пропало всякое желание выяснять. Но Грифон убедил его, и они отправились к ней.

И пока претендент из Розовой Зари шёл сквозь дым и величие провидицы, словно его и не было, Кайно поведал им правду. Оракул Разбитого Прилива утопит тебя в своём величии. Она наполнит им твои лёгкие. Она вырежет его на твоей душе тремя зубцами.

[Оставь его, оставь его, оставь его.]

Джейсон праздно наблюдал, как его душа погружается в глубины, куда не проникает свет. За

далёкий горизонт, где покоится Икарус с его командой. Всей его командой, кроме капитана - единственного трупа, который действительно принадлежал ему.

[Ибо я найду другое, лучшее, чем это.]

— Ты становишься жаднее с каждым днём, — Оракул Разбитого Прилива укорила Грифона, её потрескавшиеся губы озорно скривились. — Неужели меня одной тебе было недостаточно?

— Неужели нас восьмерых тебе было недостаточно? — поддразнивала его Оракул Пылающей Эгиды.

— Возможно, он всё-таки пришёл задать свой вопрос, — размышляла Оракул Алебастровых Островов, накручивая на палец прядь его золотистых волос. Она наклонилась и прошептала, тихо, как мышь, но всё же достаточно громко, чтобы все услышали. — Тот, который он поклялся никогда не задавать. Неужели тоска уже пересилила твои принципы, о сын алого греха?

Закрыв лицо окровавленной и горячей рукой, Грифон прорычал одно единственное слово.

— Сол.

Капитан с запада опустился на колени перед своим учеником, но в его взгляде всё ещё чувствовалась любопытная дистанция. Он окинул взглядом своего ученика среди обломков, и святых женщин окружавших его, а потом святую девушку, которая всё ещё была перекинута через его плечо. Если он и страдал под тяжестью их величия, то он никак этого не показывал.

Джейсон полагал, что Тиран и не стал бы.

Грифон посмотрел на своего мастера, а затем на девушку на его плече.

— Кто это?

Провидица улыбнулась ему: «Меня зовут Селена».

— Она - Алый Оракул, — добавил Солус.

Грифон зарычал и одним движением вырвался из своего жуткого положения, отбросив руки трёх святых женщин, и атаковал. Сорей вскрикнул и взлетел. Джейсон прошипел проклятие, и Скифас бросился вперёд, призывая ветер.

Солус поймал руку своего ученика с громовым хлопком, их пальцы сцепились, а пространство между ними загорелось розовым светом зари. Его глаза опасно сузились.

— Нет, — прорычал Грифон, наклоняясь вперёд. Глаза Алого Оракула расширились. — Она не Оракул.